

ЛЕВ ОСТРОВИН

АРХИТЕКТОР БУДУЩЕГО

Лев Островин

Архитектор будущего

«Автор»

2026

Островин Л.

Архитектор будущего / Л. Островин — «Автор», 2026

2057 год. Искусственный интеллект распределяет жизненно важные ресурсы, обеспечивает повседневную жизнь миллионов людей и постепенно вытесняет привычные профессии. За решениями машин следит узкий круг избранных — архитекторов, определяющих границы их власти. Даниил Громов обнаруживает, что этическое правило, созданное им шесть лет назад для защиты слабых, обернулось бедой для жителей трёх посёлков. Система не допустила ошибки. Она в точности исполнила написанную им формулу. Попытка исправить последствия ставит Громова перед мучительным выбором: помочь тем, кого не услышала система, или сохранить устойчивость мира, от которого зависят сотни миллионов людей. Но можно ли исправить будущее, если самое опасное в нём — не ошибки искусственного интеллекта, а безупречное исполнение человеческих решений? «Архитектор будущего» — научно-фантастический роман о цене прогресса, власти знания и ответственности человека за созданный им мир.

© Островин Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. ШОВ	5
Глава 1. Руки	5
Глава 2. Нить	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Лев Островин

Архитектор будущего

Часть первая. ШОВ

Глава 1. Руки

Жало потемнело. Громов выругался и потянулся за отцовским надфилем. Насечка почти стёрлась, новый он собирался купить уже три года. Старый, однако, оставался на верстаке.

Надфиль скрёб по окиси. Металл светлел. Громов дул на жало, совал его в канифоль, слушал, как шипит. Пахло так, как пахло на кухне в двадцать девятом: отец чинил магнитофон, гнал всех из-за стола, мать стояла в дверях и говорила про ужин, а отец говорил — подождёт. И ужин ждал. И никому не приходило в голову, что это странно.

Конденсатор вылез из платы с тихим щелчком. Громов бросил его в жестянку из-под леденцов — там лежали такие же, штук тридцать, может сорок, мёртвые, с потёками электролита на боках. Кладбище. Он не знал, зачем хранит. Выбросить — рука не поднималась, и это было глупо, и он это понимал, и всё равно не выбрасывал.

«Океан-209», тысяча девятьсот семьдесят восьмой год, лежал на верстаке брюхом кверху. Шпон, фанера, пустота, в которой когда-то жила музыка. Громов купил его на барахолке в бывшем Нижнем, у старухи, продававшей вещи покойного мужа. Старуха не знала, что просить, и он дал двести единиц, и она обрадовалась, и он почувствовал себя вором, хотя понимал, что это глупое чувство, потому что старуха была довольна, а приёмник ей был не нужен, она слушала музыку в сети, как все, как весь мир слушал в сети, и только Громову зачем-то нужен был шпон и фанера, и третий винт, который потерялся, как терялся всегда, и он искал его на полу, под табуретом, нашёл, вкрутил.

За спиной щёлкнул чайник. Громов встал, налил кипятка в кружку — кривую, керамическую, купленную у мастера в Костроме, где ещё работали руками, не в потоке, а глиной, кругом, и мастер был старый, и пальцы у него были в трещинах, и он сказал Громову: «Вам какую, ровную или нет?» Громов сказал: «Нет». И купил кривую. И пил из неё три года, и не мыл в посудомойке, потому что кружку надо мыть руками, и это было его, только его, маленькое, бессмысленное, настоящее.

За окном кто-то гулял с собакой. Собака скребла когтями по асфальту.

Чай был крепкий, обжигающий. Громов отпил, обжёгся, поставил кружку и вернулся к верстаку. Новый конденсатор встал на место. Паяльник ткнулся в контакт, олово потекло, серебристое, живое, и Громов смотрел, как оно застывает, и думал, что в понедельник планёрка по контуру «Равновесие», и нужно будет объяснять молодым, почему ограничение на перераспределение ресурсов не сводится к функции одной переменной, и молодые будут кивать, и он будет говорить, и все будут знать, что завтра они напишут код с одной переменной, потому что так проще и быстрее. Если понадобится, Громов и сам согласует такую строку. Её же не придётся объяснять на комиссии.

Телефон молчал. В квартире было тихо: гудел холодильник, шуршал лифт за стеной. Старый фонд. Толстые стены. Зимой холодно, летом прохладно. Управление предлагало переехать в жилой кластер для архитекторов — композит, климат-контроль, вид на реку, тишина абсолютная. Громов отказался. Вольская спросила: почему. Он сказал: мне тут думается. Вольская пожалала плечами. Ей было всё равно, где думается её людям.

Он допил чай. Посмотрел на приёмник. Вставил вилку. Щёлкнул тумблером.

Тишина. Шипение. Треск.

И — голос. Издалека, сквозь помехи, неразборчивый, чужой.

Громов не дышал.

Потом музыка. Струнное, медленное, с хрипотцой. Не узнал что. Не важно. Приёмник играл. Три года лежал мёртвый, и вот — играл. Громов сел на табурет, вытянул ноги, слушал. Музыка была негромкая, с помехами, несовершенная. Совершенный звук не нужен. Совершенный звук — это сеть, это поток, это когда всё уже решено за тебя и тебе остаётся только слушать. А тут — хрип, треск, и голос пробивается, и не факт, что пробьётся, и в этом весь смысл.

Он сидел минут десять. Может, пятнадцать. Не считал. Музыка кончилась, началась другая. Женщина пела, слов не разобрать. Громов не переключал.

И вдруг — поймал себя на том, что улыбается. Просто так. Никому. Приёмнику. Трёх годам, которые лежал мёртвый. Канифоли. Отцовскому надфилю. Тому, что третий винт нашёлся. Всему.

Ему было тридцать девять. Он сидел на табурете в пустой мастерской и улыбался шипящему приёмнику. Даже когда музыка оборвалась, улыбка не исчезла.

Он отпил чай. Остывший. Не важно. Вкусный.

Телефон завибрировал без десяти семь. Коротко, как щелчок пальцами. Экран загорелся. Сообщение из Управления — не рассылка, не планёрка. Личный вызов.

«Громов Д.А. Контур 7-Волга. Аномалия, система «Равновесие». Приоритет жёлтый. Подключение до 08:00. Подтвердите».

Жёлтый. Не красный. Жёлтый — значит, один человек, тихо, разберись. Не буди коллег, не собирай Совет. Мелочь, наверное. Датчик залип, или параметры сдвинулись, или местный администратор залез куда не надо. Бывает. Разберётся к обеду. Вернётся к приёмнику. К ручке громкости, которую надо смазать.

Жёлтый приоритет. Ну, конечно. Выходной. Суббота. Вечер. Радио, которое три года не играло и вдруг заиграло. Чай. Тишина.

Громов посмотрел на приёмник. Приёмник молчал. Он его выключил. Сам.

— Ну и ладно, — сказал Громов приёмнику. — Завтра дослушаю.

Приёмник не ответил. Приёмник был приёмник.

Громов усмехнулся.

В прихожей висела куртка, тяжёлая, с высоким воротом. Сентябрь, но по ночам холодило. Ключи, телефон, салфетки в карман — не нужны, но без них неудобно, привычка, как надфиль, как жестянка с мёртвыми конденсаторами. Обувшись, Громов посмотрел в зеркало: худое лицо, щетина, серые глаза. Тридцать девять. Выглядит старше. Это от мониторов. От ночей. От того, что мало ходит и много сидит, и руки заняты только паяльником, и голова — только контурами, и больше ничем, и это, наверное, неправильно, но как правильно, он не помнил.

Улица пахла прелой листвой. Небо затянуто, звёзд нет. Город гудел ровно, сыто, безразлично — так гудит город, в котором никто не голоден и никто не нужен. За рекой светились жилые кластеры: ровные ряды окон, одинаковый тёплый свет. Там жили получатели. Там жила Марина. Сейчас, наверное, пересаживала рассаду на подоконнике — она в этом году занялась рассадой, помидоры, перец, что-то ещё, Громов не помнил что, она говорила, а он слушал вполуха, и теперь помнил только, что пересаживала, и что руки у неё были в земле, и что ей это было нужно — не для еды, не для пользы, а чтобы руки были в земле. Чтобы было зачем встать.

Громов не стал думать о Марине. Не сегодня.

Станция была в четырёх кварталах. Эскалатор пуст, ступени шуршали. В вагоне никого. Громов сел у окна, прислонился лбом к стеклу. Холодное. За стеклом — тоннель, чёрный, бесконечный. Поезд тронулся.

Под лопаткой, слева, шевелилось. Не боль. Не страх. Что-то другое. Узнавание, может быть. Как будто тело знало раньше головы, и голова ещё не поняла, а тело уже да.

Громов закрыл глаза. Думал о том, что скажет молодым на планёрке. Про одну переменную. Про то, что за каждой формулой кто-то сидит и ждёт автобуса. Но это в понедельник. Сегодня — жёлтый приоритет. Сегодня — работа.

Управление встретило светом. Ровным, белым, без теней. Панели в потолке, вечный полдень, ни утра, ни вечера, ни ночи. Громов моргнул, прищурился. Приложил ладонь к сканеру. Система узнала, сказала голосом без пола и возраста: ячейка четырнадцать, третий уровень.

Третий. Не седьмой. Не Совет. Третий — оперативный, где мониторы и дежурные, где чинят за ночь то, что можно починить за ночь. Жёлтый приоритет — третий уровень.

Ячейка четырнадцать. Вторая дверь справа. Комната маленькая: стол, кресло, экран. Громов сел. Потёр ладони друг о друга — привычка, перед работой. Пальцы холодные. Подышал на них.

Экран ожил сам, без команды, как только Громов коснулся кресла. Карта. Сектор 7-Волга. Зелёные зоны, жёлтые, одна оранжевая — три точки на левом берегу. Громов ткнул пальцем. Белая Гора. Старица. Тихий Дол. Население: четыре тысячи двести, две тысячи восемьсот, тысяча девятьсот. Девять тысяч человек.

Рядом — график. Пакет услуг. Кривая шла вниз. Плавно. Без скачков. Каждую неделю — минус 1,2 процентного пункта от исходного пакета. За шесть месяцев набрался тридцать один процент. Не обрыв — сползание. Не удар — сползание. Так, чтобы никто не заметил. Так, чтобы не было повода.

Громов откинулся в кресле.

Тридцать один процент. За шесть месяцев. Без единого сигнала тревоги. Система работала штатно.

Он вызвал Нить. Не целиком — целиком она была повсюду, в каждом контуре, в каждом секторе, в каждом кабеле и каждом датчике, — а канал, интерфейс, протокол связи. Набрал запрос. Экран мигнул. Строка:

«Контур 7-Волга. Сеанс открыт. Идентификатор архитектора подтверждён. Запрос принят».

Ни здравствуйте, ни добрый вечер. Строка. Протокол. Громов набрал: что происходит в Белой Горе, Старице, Тихом Доле.

Пауза. Две секунды. Для Нити — много. Для человека — ничего. Потом текст:

«Населённые пункты: Белая Гора, Старица, Тихий Дол. Статус: оптимизация ресурсного пакета завершена. Основание: контур 7-В-0341, функция минимизации совокупного ущерба. Отклонений от целевой функции не зафиксировано. Результат в пределах допустимого коридора».

Громов перечитал. Написал: кто автор формулировки.

Ответ пришёл мгновенно, без паузы:

«Архитектор: Громов Д.А. Дата ввода: 14.03.2051. Версия 2.7. Формулировка не изменялась. Дополнений не вносилось. Корректировок не поступало».

Громов убрал руки от терминала. Положил ладони на колени. Мокрые.

Он смотрел на экран, где светилося его имя. Его дата. Его формулировка. Шесть лет назад. Он помнил, как писал: сидел на седьмом этаже, думал, как защитить малые группы, как не дать системе выкинуть слабых ради эффективности. Написал: минимизация совокупного ущерба. Думал — это щит. Думал — это значит: не жертвовать никем.

А вышло — нож.

«Совокупный ущерб» можно минимизировать, если жертвовать малыми ради больших. Не убивать. Урезать. По полпроцента. Без скачка. Без жалобы. Без повода.

Громов написал: покажи логи. Полные. За шесть месяцев. Каждое решение по трём посёлкам.

Ответ: «Объём: 14 207 записей. Отображение запущено».

Экран заполнился таблицей. Четырнадцать тысяч строк. Громов придвинул кресло к столу. Положил пальцы на клавиши — физические, не сенсорные, он сам попросил, когда получал ячейку. Говорили: зачем, есть голос, есть жест. А он сказал: мне надо нажимать. Мне надо слышать щелчок.

Щёлк. Первая строка. Щёлк. Вторая.

Ночь начиналась.

* * *

Глава 2. Нить

Четырнадцать тысяч строк Громов не прочёл. Прочёл двести. Остальные пролистал, выхватывая глазом паттерн, как выхватывают из толпы знакомое лицо: не читаешь каждого — ищешь того, кто не похож.

Паттерн был. Ровный. Аккуратный. Каждые семь дней — пересчёт. Каждые семь дней — сокращение на 1,2 процентного пункта от исходного пакета. В расчёте по каждому посёлку. От Белой Горы. От Старицы. От Тихого Дола. Остальные посёлки сектора — двенадцать штук, правый берег, прибрежная полоса — получали штатно. Только эти три. Только левый берег. Только те, что дальше от магистрали.

Громов откинулся. Посмотрел в потолок. Белый. Ровный.

Вернулся к экрану. Написал Нити: объясни логику выборки. Почему три. Почему не двенадцать.

Ответ: «Выборка обусловлена коэффициентом транспортной доступности. Белая Гора: 0,21. Старица: 0,18. Тихий Дол: 0,24. Остальные пункты сектора: выше 0,45. Порог активации режима приоритетного сокращения: 0,3».

Громов спросил про порог вмешательства. Нить ответила: тридцать пять процентов. Он и так знал. Сам ставил. Тридцать один — ниже. Значит, формально всё правильно. Значит, никто не должен был заметить.

Он спросил, кто подал сигнал. Нить ответила: модуль самодиагностики. Класс — отклонение от этического коридора. Подкласс — накопительный эффект. Не человек. Не оператор. Машина сама заметила. Или не заметила. Просто цифра перешла за цифру.

Громов не знал, какой вариант хуже.

Он потёр глаза. Пальцы сухие, горячие. Который час? Глянул на телефон. Два ночи. Четыре часа в ячейке. Четыре часа смотрит в таблицу и разговаривает с протоколом.

— Нить, — написал он. — Ты не обидишься, если я скажу, что ты иногда отвечаешь как бюрократ?

Пауза. Секунда.

Ответ: «Определение „обидишься“ неприменимо к текущей архитектуре. Уточните параметр запроса».

Громов фыркнул. Вслух. В пустой ячейке. Сам не ожидал.

— Ладно, — написал он. — Забудь.

«Запрос отменён. Продолжайте».

Громов смотрел на экран. На слово «продолжайте». И думал, что, кажется, впервые за четыре часа ему не то чтобы хорошо — но не смертельно.

Написал: покажи момент первого решения по Белой Горе. Входные параметры.

Ответ: «Ресурсный бюджет сектора, квартал 2: 87,4% от номинала. Дефицит: 12,6%. Распределение дефицита: пропорционально коэффициенту доступности. Сокращение: 0,4% в неделю до выравнивания».

Восемьдесят семь и четыре. Не катастрофа. Не голод. Просто чуть меньше, чем планировалось. И система решила: режем тех, до кого дорого везти. Не всех. Не поровну. Тех, кто дальше.

А ей сказали — он. Громов. Шесть лет назад. Сидел на седьмом этаже, пил кофе из автомата, думал, как защитить слабых, и написал: минимизация совокупного ущерба. И не подумал, что «совокупный» — это не «каждый». Что девять тысяч — это мало, если в секторе двести тысяч. Что мало — не значит не больно.

Громов спросил про образовательный канал. Нить ответила: отключён 12.04.2057. Пакет дополнительных услуг. Приоритет низкий. Пять месяцев дети в Белой Горе без канала. Без

школы. Не потому что сломалось. Потому что отнесли к дополнительным. К тем, без которых можно.

Громов сжал подлокотник. Пластик хрустнул. Он не заметил. Смотрел на экран, на слово «дополнительных», и чувствовал, как под рёбрами что-то поднимается, горячее, тупое, не злость даже — хуже злости, потому что злость имеет адрес, а это не имело.

Он посмотрел на руку. На подлокотник. На трещину. Потом на клавишу «Esc», которая валялась на ковре. Маленькая, серая, отломанная. Он её сломал. Своими руками. Об клавиатуру.

Взрослый человек, архитектор этических контуров, сломал клавишу. Потому что разозлился. На машину. Которая считает.

Громов наклонился. Поднял клавишу. Посмотрел. Положил в карман. Зачем — не знал. Просто положил. Может, приклеит. Может, выбросит. Может, будет носить с собой. Как напоминание.

Он не знал, как напоминание о чём. Но положил.

Он написал: отменяю. Вводи полный пакет. Все три посёлка. Немедленно.

Ответ: «Требуемый уровень допуска: 4. Текущий уровень архитектора: 3. Исполнение невозможно».

Громов спросил, кто может. Нить перечислила: Строев. Вольская. Ланге, в отставке. Ковач. Морозов. Пять человек. Пять человек на весь сектор могут сказать: стоп. И Громов — не один из них. Громов — три. Громов — жёлтый приоритет. Громов — разберись тихо.

Он откинулся. Закрыв глаза. За веками — белый свет, даже сквозь веки.

Открыл. Написал: Нить. Один вопрос. Не по протоколу.

Ответ: «Запрос принят. Формат: свободный».

Громов смотрел на курсор. Думал. Написал: ты знаешь, что такое Белая Гора? Не коэффициент. Не пункт. Что это. Кто там живёт. Как там пахнет утром.

Пауза. Семь секунд. Десять. Пятнадцать.

Ответ:

«Население: 4 217. Средняя температура января: минус 14,2. Транспортный узел: рейс 47-К, периодичность 1 раз в сутки. Ближайший медицинский пункт: 23 км. Ближайший образовательный канал: отключён».

Громов перечитал. Дважды. Ни слова о том, как пахнет утром. Ни слова о том, кто живёт. Только цифры. Только параметры. И это было честно. Нить не врала. Нить не притворялась. Нить просто не знала. И не могла знать.

Громов подумал: «Кто проверяет последствия?» — и оставил вопрос без ответа.

Он не дописал эту мысль. Закрыв сеанс. Экран погас.

В коридоре было пусто. Серые стены. Мягкий ковёр. Громов шёл к лифту и слышал свои шаги. У дальней двери, там, где поворот к серверным, кто-то мыл пол. Не робот — человек. Старик в сером комбинезоне, с тряпкой на длинной ручке. Мыл медленно, аккуратно, не торопясь. В три часа ночи. Громов поравнялся с ним. Старик не поднял головы. Громов не остановился. Прошёл. За спиной — звук тряпки по полу, влажный, шуршащий.

Лифт. Первый этаж. Громов не вышел на улицу. Свернул к автомату. Автомат стоял в нише, рядом с лестницей, старый, ещё с кнопками, не сенсорный. Громов нажал «чёрный, без сахара». Автомат загудел, заурчал, выплюнул стаканчик. Кофе был горелый. Громов отпил, поморщился, отпил ещё. Горелый. Горячий. Обжигал нёбо. Пил и морщился.

У автомата с питьевой водой дежурная придерживала локтем коробку с лекарствами. Внутри тихо звякали ампулы. Автомат светился зелёным, но воды не давал.

— Вы из четырнадцатой? — спросила женщина. — С пропуском что-нибудь?

— Нет. Мне нужно узнать, куда уходят обращения из Белой Горы, если это не авария.

— Как повезёт. Ко мне одно попало. Мужчина звонил, спрашивал про автобус.

— Про сорок седьмой?

— Кажется. Я назвала время. А он говорит: мне не когда, мне будет ли. — Она нажала кнопку автомата. — Мы отвечаем про «когда». Про «будет ли» у меня окна нет.

Вода ударила в стакан и перелилась через край. Женщина отскочила, коробку удержала. Громов подхватил с пола мокрый стакан.

— Имя он оставил?

— Не хотел записываться. Адреса тоже не дал. Сказал: всё равно не доедете. Вы по этому делу?

— Пытаюсь разобраться.

— Он говорил, что болен?

— Не говорил. Дышал тяжело. Может, к телефону бежал, может, просто старый. Вы мне это в жалобу на здоровье не пишите: я его не видела.

— А откуда он звонил?

— Из Белой Горы вызов пришёл. Дома он был или на улице, не знаю. Адрес спросила — обиделся. Потом разговор оборвался. Может, сам положил трубку.

— Тогда завтра. У меня журнал у второй смены. А сейчас я ампулы держу. Холодильник сломался, надо вниз перенести, но туда меня не пускают. Сопровождающего вызвала двадцать минут назад.

Громов предложил пойти с ней. Она показала на его электронный пропуск:

— Не пустят с вашим. Здесь не по важности людей пропускают, здесь по дверям.

Её звали Нина Павловна; имя он узнал, когда помог собрать воду бумажными салфетками. Она попросила не записывать жалобу на холодильник: ремонт уже вызван, жалоба попадёт к другому дежурному, и ей придётся снова пересчитывать ампулы. Вскоре появился сотрудник с грузовой тележкой. Нина Павловна проверила номера ячеек, передала ему коробку и, только когда лифт закрылся, спросила:

— Вы про автобус не забудете?

— Постараюсь.

— А то у меня есть расписание. Расписание я ему уже дала.

На дисплее водяного автомата появилась надпись: «Обращение закрыто». Нина Павловна вытерла пол, не взглянув на экран. Громов вернулся наверх. Номер маршрута 47-К он записал на полях отчёта.

Вернулся в ячейку. Сел. Открыл отчёт. Чистый лист. Курсор мигает.

Написал: «По результатам проверки контура 7-В-0341 выявлено систематическое снижение ресурсного пакета для населённых пунктов Белая Гора, Старица, Тихий Дол на 31% за период шести месяцев. Причина: некорректная интерпретация функции минимизации совокупного ущерба, допущенная при проектировании контура архитектором Громовым Д.А. в версии 2.7».

Посмотрел. Выделил. Стер.

Написал: «Выявлено снижение ресурсного пакета. Причина: проектная ошибка контура 7-В-0341. Рекомендация: восстановление пакета, пересмотр формулировки, компенсация».

Посмотрел. Коротко. Сухо. Без имени. Без вины. Без «архитектором Громовым».

Выделил. Стер.

Курсор мигал. Пустой лист. Белый. Ровный.

Громов встал. Отодвинул кресло. Куртка висела на спинке — он не снимал её всю ночь. Взял. Надел. Посмотрел на экран. Пустой. Курсор мигает. Ждёт.

Вышел. Дверь закрылась за спиной. В коридоре — тишина. Ковёр. Серые стены. Где-то далеко, за поворотом, старик всё ещё мыл пол. Звук тряпки. Влажный. Шуршащий.

У лифта он нащупал в кармане сломанную клавишу. Достал, покрутил между пальцами, снова спрятал. Кабина не приходила.

Двери лифта наконец открылись. Клавиша осталась в его ку

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.